

Глава 24

Гуманитарная интеллигенция в СССР.
Не является ли сознание перехлестом природы?
Путешествие в землю обетованную
Кибуцы. Сабры и диаспора. Создатели Израиля.
Корни антисемитизма.
Палестина и Израиль – апокалипсический узел

Как я уже говорил, в 1977 году с помощью Аниты я выпустил в Мюнхене книгу «Свобода, власть и собственность», посвященную моим тогдашним взглядам на демократический социализм для России. В книге содержался так же анализ советского общества, основные тезисы которого были взяты мною из рукописи «О самом главном». Я рассматривал в книге все основные социальные слои советского общества, но сегодня самым актуальным, думаю, является анализ феномена гуманитарной интеллигенции, так как она сыграла решающую роль в становлении нынешнего гибельного режима. Приведу ниже в сокращении раздел книги, посвященный этому анализу.

Гуманитарная интеллигенция, на мой взгляд, (да и не только на мой) — самое слабое звено советского общества, особенно ввиду той роли, которую гуманитарная интеллигенция призвана играть в обществе. Григорий Померанц назвал гуманитарных интеллигентов «людьми воздуха». На самом же деле большинство из них прочно привязано к советской «земле», к колеснице пропагандистской и воспитательной машины, и движет эту машину. И это, разумеется, не проходит для гуманитариев бесследно.

«Иногда мне кажется, — писал Амальрик в открытом письме к А. Кузнецову, — что советская творческая интеллигенция, то есть люди, привыкшие думать одно, говорить другое, а делать третье, в целом явление еще более неприятное, чем режим, который ее породил».

Увы, с этими горькими словами Амальрика трудно не согласиться. Совпадают они с мнением академика Сахарова:

«Интеллигенция начинает уходить либо в узкий профессионализм, либо в двойственную интеллектуальную жизнь на работе и дома, но это означает усиление лицемерия и дальнейшее падение нравственное и творческое. Особенно тяжело все это сказывается не на технической, а на гуманитарной интеллигенции, у которой уже создалось полное ощущение тупика». (Интервью шведскому радио и телевидению. 1973 год.)

Чтобы понять причины такого состояния гуманитариев надо осознать, в чем состоит их отличие от всех других социальных слоев.

«Шапка Мономаха» гуманитарного интеллигента тяжела при всех обстоятельствах и во все времена. Прежде всего, гуманитарий имеет дело не с точными науками, где успех можно доказать измерениями или экспериментом. Успех гуманитария зависит от многих критериев и не в последнюю очередь от признания его коллег по «цеху».

В то же время гуманитарий в своем творчестве должен отражать проблемы человека, обращаясь при этом к людям, к обществу. Следовательно, гуманитарий органически заинтересован в известности, в славе, чтобы его читали и слушали, и ради этого заинтересован в оригинальности, в выделении из ряда.

При этом гуманитарий, в сущности, «кустарь-одиночка» по характеру своего труда, даже если он и состоит на службе. Его труд не является звеном какого-либо производственного цикла. В результате и его социальное положение мало зависит от социально-экономической структуры общества, от так называемых производственных отношений. Его единственный «классовый» интерес — *чтобы цензура была послабее и не мешала ему выделяться из ряда*. В этом смысле он действительно человек, висящий в воздухе. Это дает гуманитария большую свободу мышления, но эта же свобода таит в себе великую опасность потери чувства реальности и ответственности.

Инженер или рабочий не может выдвигать или поддерживать какую-либо, например социальную, идею, не подумав, как она может при реализации отразиться на его положении, жестко зафиксированном в социальной структуре. Да и характер труда приучает людей производства к ответственному и конструктивному мышлению: в любой обстановке они должны производить вещи, способные хорошо ли, плохо ли, но функционировать, и любую деталь любым концом не повернешь — можно остаться без головы.

Итак, «взвешенность» гуманитария и необходимость к выделению ставит его развитие и судьбу в особую зависимость от одного решающего обстоятельства: от уровня его нравственности, от способности к сопереживанию. Если этот уровень достаточно высок, он дает гуманитария сверхличную цель, сверхзадачу и рамки ответственности перед людьми, перед обществом. Такой интеллигент-гуманитарий действительно становится самым полезным членом общества, интеллигентом с большой буквы. А если этого нет — доброй сверхзадачи и ответственности, — то интеллигент-гуманитарий, особенно при наличии у него способностей, превращается в самого опасного для общества члена, и для «дальних», и для «ближних» своих. Становится «бродильными дрожжами» изощренного зла. Любая самая хорошая идея будет поноситься им только потому, что не он ее автор. Или, если она в силе и в моде, он будет ее извращать, доводя до абсурда. Лишь бы привлечь внимание! И любое дело будет разваливать, если не он лидер.

В тоталитарных же условиях гуманитария сохранить нравственные устои и гражданскую ответственность особенно трудно. И в этом — ключ к пониманию советских гуманитариев.

Производственник в тоталитарных условиях госкапитализма (госсосоциализма) при отсутствии зависимости производства от потребления снижает качество своей работы. Гуманитарий же попросту деградирует, нравственно и умственно. Инженер и рабочий могут и даже заинтересованы производить некачественные, скажем, трубы (чтобы произвести их в большем количестве и выполнить план), но не могут выпускать трубы без желоба: жидкость по ним все-таки должна течь! У гуманитария и этой заботы нет. В этих условиях стремление к выделению и безответственность приобретают порой совершенно уродливый характер. Гуманитарий почти полностью теряет ощущение независимости и чувство собственного достоинства, свойственное квалифицированному работнику. Карьеризм, угодничество, предательство, оппортунизм становятся нормой. Своей безнравственности эти люди, как правило, не замечают, так как варятся в собственном соку и все вместе деградируют. Критерии порядочности снижаются до последнего минимума. Естественно, развиваются мизантропия и на ее почве нарциссизм и прочие фобии.

Тут важно понимать диалектику перехода от диктаторского, «средней» жестокости режима к тоталитарному. Я имею в виду, конечно, сравнение с режимом царской России. Тогда для гуманитарной интеллигенции существовали, быть может, оптимальные условия для обрете-

ния доброй сверхзадачи. Страна и народ были в тяжелом положении, существовало множество тяжелейших проблем, но существовала в то же время относительная свобода для творчества и связь с общественностью, с «потребителями». Существовала объективно и некоторая заметная перспектива для тех, кто хотел бороться за изменение режима или просто действовать на пользу людям. То есть были средства и возможности для достижения гуманных целей. И «продукция» гуманитариев того времени свидетельствует о существовании большого числа людей, подчинявших свое творчество доброй сверхзадаче.

При переходе же к тоталитарному режиму госсocialизма мы видим, что вместе с увеличением количества и «качества» проблем резко уменьшаются возможности для борьбы за их решение и неизмеримо увеличивается риск репрессий за участие в этой борьбе. Результат: изощренность в приспособлении, в цинизме, защитная слепота и потеря способности к сопереживанию, а там народофобия и мизантропия в качестве оправдания своего бездействия и приспособленчества.

Народофобия тут рождается и из-за страха перед крутыми переменами в демократическом направлении. Гуманитарий боится, что может оказаться неконкурентоспособным, и кричит о том, что «дикому» народу (или «одичавшему») нельзя давать свободу: он учинит кровавую анархию — «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Мне же думается, что самую большую опасность тут представляют сами эти гуманитарии, с преобладанием в их среде людей безнравственных, безответственных, с неудовлетворенным честолюбием.

Сознание многих интеллигентов представляет собой перевернутую картину по сравнению с сознанием большей части людей из народа, у которых ненависть к режиму часто вытесняется в подсознание. У очень многих же интеллигентов на поверхности сознания какие-либо оппозиционные (по моде) идеи, а в подсознании — страх перед серьезными переменами.

Большая часть современной гуманитарной интеллигенции представляет перевернутую, «зеркальную» картину и по отношению к дореволюционной интеллигенции России, отличавшейся крайним радикализмом, революционностью и народничеством. И если крайности старой интеллигенции сыграли весьма печальную роль в истории страны, то «зеркальные» крайности большей части советской интеллигенции в нынешней тоталитарной обстановке могут сыграть роль еще более трагическую.

Впечатляющую картину дает статистика, приводимая Амальриком в его книге: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». К 1969 году среди людей, подписывавших различные протесты, ученые, инженеры, техники и рабочие составляли 64%, а деятели искусства и литературы — 22%! Характерная картина для тоталитарного режима. (В странах Восточной Европы жестокость режима была меньше и короче было время его существования, и там мы уже наблюдаем обратную, нормальную картину.)

Отметим также, что в числе заявивших о себе диссидентов мы находим только 5% студентов.

Еще примечание. Если в число 22% гуманитариев-диссидентов входит большинство активных оппозиционеров этой группы, то 64% для научно-инженерно-рабочей группы не является репрезентативной цифрой: большое число «простых» и «заводских» людей, проявлявших активную оппозиционность, не подписывало каких-либо документов протеста. Вспомним хотя бы об участниках многочисленных забастовок и восстаний в начале 60-х годов. Следует так же учесть, что люди эти не находятся около источников получения и передачи ин-

формации, не защищены от репрессий известностью или связью с известными людьми (и с иностранными корреспондентами) и живут в своем большинстве в провинции, где произвол КГБ достигает предела. И все же 64%!

Чрезвычайно показательна для безответственности советских интеллектуалов эволюция их политических взглядов при переходе в оппозицию к режиму. Эта эволюция диктуется все тем же стремлением к выделению, к оригинальности и подчиняется реактивному принципу отталкивания в противоположную крайность. При первом шаге отбрасывается марксизм. Но надо идти дальше в соревновании — кто больше выбросит «ложных ценностей», — и вслед за марксизмом летит за борт социализм любых видов. Но соревнование продолжается — и за бортом оказываются демократия, интернационализм, «безрелигиозный» гуманизм. И соревнованию этому нет конца. Еще Пушкин сказал: «Да здравствует разум!», а Солженицын считает, что «история не правится разумом, разум для нее — топор!» («Август четырнадцатого»). Западное правозащитное движение, «Всеобщая декларация прав человека» выдвигают одной из высших ценностей демократии свободу мысли, а среди российского диссидентства провозглашается: «Бойся того, кто скажет: я знаю, как надо!». То есть подводится под запрет главная цель свободной мысли: понять, как надо.

Эта реактивность мышления интеллигенции, — скажу я сейчас, — была и остается одной из главных причин нынешних бед России и угрозой для ее существования.

Антонин Лим как-то спросил при мне русского политэмигранта, вступившего с ним в дискуссию: «Вы хотите мыслить или реагировать?». Мой соотечественник не понял вопроса, не понял разницы между «мыслить» и «реагировать».

Глядя из сегодняшнего дня, я должен также обратить внимание на то чрезвычайно важное обстоятельство, что после крушения брежневского тоталитаризма у гуманитарной интеллигенции появилась возможность с относительной безопасностью для себя бороться за решение нависающих над страной проблем, которые, увы, сделались еще более угрожающими. Однако интеллигенция не поднялась на такую борьбу. Я имею в виду борьбу в широком смысле этого слова, разными способами и в разных сферах — в литературе, в искусстве, в публицистике, в прямых политических и правозащитных действиях.

По сравнению с 50–60-ми годами нынешнее время в этом отношении представляется пустыней. Нет ни настоящей беллетристики, ни поэзии, ни драматургии, ни бардов оппозиционных, ни политической борьбы. Разве только есть пародия на все это. Даже называть имена для сравнения кощунственно. Пустыня, поросшая карликовыми, смердящими, мутантными растениями.

Что ж, выходит, мое объяснение причин слабости и вырождения гуманитарной интеллигенции в советской России было ошибочным? Нет, не думаю. Просто похоже, что моральная и умственная деградация интеллигенции к концу брежневского периода зашла за какую-то очень красную черту, когда уже, возможно, нет обратного хода — к возрождению.

Не является ли сознание перехлестом природы?

В завершении книги «Свобода, власть и собственность» я рассматриваю обозначенный выше вопрос. Как помнит читатель, главной целью социального развития человечества я считаю создание условий, при которых люди в подавляющем большинстве смогут жить полной жизнью, развивая и используя сознание, и обретая таким образом защиту от страха перед временем и смертью. Но в какой-то момент я подошел к вопросу, возможно ли в принципе создание таких условий для подавляющего большинства людей на Земле?

Вселенная наша бесконечна и, следовательно, в ней должно было бы существовать бесконечное число планет, на которых обитали бы существа, обладающие разумом. И бесконечное число таких планет должны были бы быть заселены мыслящими существами, намного опережающими наше человечество в развитии науки, которое ведь безгранично. И возникает новый вопрос, почему же мы до сих пор не обнаруживаем их существования в космосе? Притом, что даже при нашем явно еще очень слабом развитии, мы уже способны улавливать электромагнитные волны, возникшие в момент «взрыва» зарождения нашей вселенной! Может быть, объяснение этому состоит в том, что нигде в природе, в космосе, существа, осознающие свою смертность, не успевают или оказываются не в состоянии создать условия, при которых они перестали бы быть рабами страха перед временем и смертью, но успевают создавать средства всеобщего уничтожения и пускают их в ход в результате умопомрачения от вспышки страха и ненависти в ходе какого-нибудь внутреннего конфликта?

То есть что сознание везде обречено на гибель от собственной силы — способности познавать как тайны природы, так и собственную смертность (и злобствовать из-за этого!), что вполне в духе диалектики.

И в случае, если в космосе действительно не существует цивилизаций, более развитых, чем наша, по той причине, что все они в какой-то момент их истории накладывают на себя руки, то по логике вещей сознание надо признать перехлестом, излишеством природы, а наши мечты о бесклассовом, экстрвертированном обществе — утопией.

Но познать с уверенностью всеобщую судьбу мыслящих существ нам, слава богу, не дано. Поэтому, заканчивая я тему в книге, стоит все-таки исходить из лучшего предположения, что землянам удастся вовремя создать условия, строй, способные защитить их от страха перед временем и смертью, дать мозгу достойную загрузку, полноту и смысл жизни, чтобы люди могли «относится друг к другу в духе братства», как то говорится во Всеобщей декларации прав человека.

Много лет спустя, на Западе я наткнулся в одной из статей Роберта Конквеста (к сожалению, забыл ее название) на предположение, что разум человека, возможно, является «перехлестом природы». Причем Конквест употребляет именно слово «перехлест»!

Еще позже в журнале «Знамя» (1990, № 7) я прочел выступление литературоведа и биолога Михаила Волькенштейна, в котором он (в связи с обсуждением творчества Достоевского) говорит о возможном самоуничтожении человечества:

«Если человечество самоуничтожится, то это будет означать, что Хомо сапиенс — тупиковый вид. Других тупиковых видов нет и не было — ископаемый ирландский олень вымер не потому, что его рога весили около 30 килограммов, как это иногда утверждается, ведь и сейчас

существует горный баран аргали, рога которого еще тяжелее. Но Хомо сапиенс рискует самоуничтожиться именно потому, что у него самый большой мозг.

Эту тему я затрагиваю в книге ради того, чтобы еще раз подчеркнуть, что положение, при котором большая часть человечества продолжает находиться в той или иной форме завуалированного рабства, не может быть терпимо. В рабском состоянии мозг используется на малую долю мощности, при том, что он сегодня у большинства людей развит много сильнее, чем в прежние века, и слишком много людей не видят поэтому смысла для своей жизни. И в этом — угроза взрыва апокалипсической злобы, угроза «прыжка в бездну». Если тяжело носить шапку Мономаха, то еще тяжелее носить то, что под нею — в коробочке!

Между прочим, мечтая в эмиграции продолжать работать в беллетристике, я одной из целей видел художественное исследование возможности удовлетворения фундаментальных потребностей человека и гармонии между ними.

Путешествие в землю обетованную

В начале 80-х годов мы с Анитой предприняли путешествие по Израилю, который представляет собой как раз один из главных апокалипсических узлов современности. Не забудем, репетиция суицида человечества — атака Аль Каиды на Америку 11 сентября 2001 года — была вызвана, по словам Бен Ладена, стремлением отомстить США за поддержку Израиля!

Путешествие по Израилю организовали нам мои московские друзья по «еврейскому движению за эмиграцию» — чета Маневичей, очень милые люди, эмигрировавшие в одном (1972) году со мной.

Это путешествие стало для нас тем, что у немцев называется «эрлербнис» — событие, переживание жизни. Ярче путешествия у меня на Западе не было. Вообще же из всех краев, где мне довелось побывать, самое сильное впечатление на меня произвели три: Израиль, Французская Ривьера и долина реки Мозель в Германии. Но Израиль стоит, конечно, на первом месте.

Маленький на карте, Израиль, когда путешествуешь по нему, остается в памяти как очень большая страна. С пространством происходит то же самое, что и со временем: оно растягивается, если насыщено ярким разнообразием мест и впечатлений. Так же воспринимается, между прочим, и Швейцария.

Но все по порядку. Не без волнения вступил я на землю израильскую: как-никак — прародина! Но эффекта узнавания не возникло. Чувствовалась лишь, как нигде, особая древность страны.

Иерусалим, Ерушалаим, город на холмах, парящий над миром Востока, городская стена, исцербленная веками, тесные торговые улочки, длиннобородые торговцы в чалмах — возникает ощущение, что здесь почти ничего не изменилось со времен Христа и Понтия Пилата. Но «стена плача» на меня впечатления не произвела, как и христианские святыни. Нерелигиозный я человек, что поделаешь.

Мертвое море. Дорога к нему пролегает словно по другой, необитаемой планете или на земле до сотворения всего живого. И чем дальше, тем фантастичнее хаос скал и красок — скалы

оранжевые, красные, черные — похоже и на спуск в преисподнюю. (Дорога шла все время под уклон.) И вдруг среди нагромождения скал блеснула синева огромного моря-озера, за которым в сиреневой дымке угадывались далекие горы Иордании. Приблизившись к озеру, мы увидели и знаменитые, торчащие из воды белые соляные столбы.

Тишина там стояла тоже доисторическая, пустая, какая могла, наверное, стоять над землей до сотворения жизни. Мертвое озеро — мертвый мир. Но на берегу вдруг открылась живая современность: отель для туристов, который содержала, как мне пояснил Фима Маневич, израильская мафия! Залезали мы, конечно, и в воду, сидели в ней без движения. Лечь нельзя — переворачивает!

Совсем другое впечатление производит Генисаретское озеро. Оно все живое, в зеленых берегах, вокруг банановые и цитрусовые плантации, белые пятна поселков. Райское место. Но за ним встают холмистые горы — печально знаменитые Голанские высоты. Не верится, что в таком благословенном краю с тех высот еще недавно стреляла сирийская артиллерия.

Но и там нас не покидало ощущение библейской древности. Она жила в витающих над озером преданиях. Ведь это по Генисаретскому озеру Христос ходил по водам, и его апостолы в нем ловили рыбу, которая и до сих пор там ловится — «рыба Святого Петра», страшноватая, вся в острых костяных шишках, как в латах, прямо ископаемая.

И два мистических ощущения посетили меня на Генисаретском озере. Всей компанией мы полезли купаться. Вода чистая, теплая — все нормально. Но плыву я и чувствую над водой, над собой какой-то особый слой воздуха, этак в полметра. И в нем разносится странное эхо. Я делаю вздох и слышу гулкое его повторение. Я говорю: «О, господи!». И кто-то мне вторит, но не моим, чужим голосом. Словно дух какой-то парил над водой, меня слушал, и я ждал, что он мне вот-вот что-то скажет. На берегу спросил Аниту, Маневичей, слышали ли они это эхо, чувствовали ли странный слой над водой? Никто ничего не слышал и не чувствовал! Что это было, до сих пор не знаю.

Другая мистика приключилась в лесу возле озера. Мы с Маневичами ехали вдоль леса, остановились. Я углубился в лес. Он чем-то поманил меня. Светлый был лес с серыми стволами деревьев и серебристыми, жесткими листьями, которые устилали землю и хрустели под ногами...

Когда я вышел из леса, Маневич на меня посмотрел и спросил: «Что-нибудь случилось?». «Ничего не случилось» — ответил я. Не мог же я сказать, что вдруг налетел ветер, лес зашумел очень сильно и гулко (потом я понял: жесткие листья!), и мне почудилось, что это был особый, реликтовый ветер, что он так же шумел здесь две тысячи лет назад. Было немного жутко. Пока ветер не утих, я не мог двинуться с места.

Кибуцы

И там же, на берегу Генисаретского озера, мы попали в далекое будущее: в кибуц, в «проклятый» коммунизм. К берегу голубого озера спускалось два ряда светлых коттеджей, добротных, уютных, с черными квадратами солнечных батарей на крышах, тогда еще бывшими внове, а между ними — широкий ярко зеленый газон-сквер, усаженный пальмами, с детскими площадками в их тени. Красивая девушка в шортах играла со стайкой детей на одной из таких площа-

док. Сквер тоже спускался к берегу. Поливальные машинки, мягко шурша, разбрызгивали воду по газону. Время от времени по скверу проходили легко и красиво одетые спокойные люди. За коттеджами проглядывали темно-зеленые стены апельсиновых плантаций, расцвеченные оранжевыми шарами плодов. Похожая картина снилась мне однажды то ли как мир будущего, то ли как другая счастливая планета.

В коттеджах этих, как мы потом узнали, жили члены кибуца и те, кто в данное время исполняли руководящие роли, и те, кто исполняли роль рядовых работников. Через определенные в уставе сроки исполнители меняются ролями, но не коттеджами!

Мы побывали в правлении кибуца, разговаривали с инженером по электронике и с мастером гончарной мастерской кибуца. Маневичи были нашими переводчиками. Мы расспрашивали об условиях работы и жизни, об истории кибуца. Оба наших собеседника родились в Израиле и были совершенно не похожи на евреев в нашем представлении. Инженер был смуглый, черноволосый, но я бы принял его за испанца или француза. А гончара — за скандинава. Он пригласил нас в мастер-скую, показывал там образцы их работы. Среди них было много очень красивых и оригинальных вещей. Мы с Анитой купили одну вазочку, и вот уже много лет я не перестаю любоваться ею.

Кроме гончарной мастерской, в кибуце было и какое-то электронное производство, и фармацевтическое.

В ресторане кибуца мы ели рыбу Святого Петра. Обслуживала нас мужская бригада официантов-кибуцников, подобных которым мы никогда не видели. Такие они были искренне приветливые, но без малейшей тени искательности. Это были интеллигентные люди, с достоинством выполнявшие дежурную для них работу официантов. Завтра или через несколько дней они будут работать на плантациях или в мастерских и лабораториях кибуца. Расплачиваясь, я машинально хотел доложить чаевые, но официант-кибуцник, отрицательно качнув головой, так мягко и просто улыбнулся мне, что я безо всякого смущения убрал руку с чаевыми.

Большинство людей в России имеют самые смутные представления о кибуцах, и потому я на всякий случай коротко расскажу о них то, что знаю. Работают там люди по коммунистическому принципу: «С каждого по способности, каждому — по потребности». (Разумеется, в рамках бюджета кибуцев.) Зарплаты не получают, но могут брать деньги на карманные расходы, если отправляются за пределы кибуца, так же, как и на проведение отпуска вне кибуцев. Жилье, товары и продукты в магазинах, питание в кибуцных столовых — все бесплатно. Так же бесплатны детские сады, уход за стариками. Молодые люди, желающие учиться в университетах и вузах, получают от кибуцев стипендии. Каждый кибуцник, как правило, имеет какую-то основную работу, а другие общественно-необходимые работы выполняются по очереди.

Помню, как еще в хрущевское время побывавший в Израиле театральный режиссер Комиссаржевский (в составе первой советской делегации, посетившей Израиль), выступая на вечере в ЦДЛ, поразил всех рассказом о том, как в каком-то кибуце им удалось встретиться с тогдашним премьер-министром страны, знаменитым Бен-Гурионом, членом того кибуца. Им для этого пришлось поехать на пастбище, где в тот день Бен-Гурион пас овец! Была его очередь.

Зал в ЦДЛ ахнул и обалдел. Когда члены советской делегации, рассказывал Комиссаржевский, так же поразились, узнав, где им пред-стоит встретиться с премьер-министром и в какой

роли он предстанет, то сопровождавшие их кибуцники с иронией спросили, чему это они, советские люди, так удивляются — ведь еще Маяковский писал про коммунизм: «Землю попадет, попишет стихи»! А я подумал, что дни, проведенные в поле, у стада, позволяли, наверное, Бен-Гуриону прийти в себя от государственной суеты, сосредоточиться, спокойно обдумывать главные проблемы. В Израиле, да и за его пределами, Бен-Гурион почитается одним из самых мудрых государственных деятелей. Был он, напомним, и одним из отцов-основателей Израиля.

Любопытно, что кибуцы имеют различную политическую ориентацию: в одних кибуцах большинство членов поддерживает одну какую-то партию, в других — другую. Партию израильских коммунистов поддерживал, кажется, только один кибуц! Почему так — не знаю. Компартия вообще была в Израиле очень маленькая и не пользовалась никакой популярностью.

И еще поразительный факт: большинство военных летчиков израильской авиации, одной из лучших в мире, — члены кибуцев или выходцы из них. Оказывается, они легче других проходят строжайший медицинский и психологический отбор при поступлении в военное летное училище, у них оказываются крепче и здоровье, и нервы!

Наши либералы, чуть речь зайдет о кибуцах, делают скептическую мину и говорят о том, что кибуцы субсидируются государством и потому, мол, нежизнеспособны. Но они забывают, что в большинстве западных стран обильно субсидируются (через цены) и их любимые фермерские хозяйства, чтобы они могли выдерживать конкуренцию сельхозпродукции стран третьего мира, не применяя, как в США, сверхинтенсивных технологий, опасных для здоровья людей. (Изобилие сверхтолых людей в Америке — результат таких технологий!)

Но несмотря на все чудеса, кибуцы не размножаются. Не всем людям подходит монастырский характер жизни в кибуцах. Только распространение кибуцного строя на все общество может ликвидировать подобный образ жизни, но произойти такое распространение сможет (если сможет) лишь в «седом» будущем, когда (и если) роботы смогут выполнять все виды повторительного, нетворческого труда и можно будет обходиться без экономической конкуренции. (Что тоже — вопрос!)

Отмечу тут, что большая часть сельского хозяйства Израиля держится на мошавах, производственных кооперативах. Фермерских хозяйств там, кажется, вообще не существует. Природные условия слишком жесткие, чтобы им можно было противостоять в одиночку, силами одной семьи. И мошавы — это уже «моя» синтетическая форма, пригодная для большинства людей.

Тем не менее кибуцы — яркий пример проявления фундаментальных потребностей человеческой природы. Вдумаемся, ведь созданы кибуцы представителями народа, который всеми считался (а многими и до сих пор считается) «мелко-буржуазным» в массе своей, меркантильным, «любящим деньги» и т. д. и т. п. И у евреев не было общинных традиций, как у русского народа.

Мне могут сказать: что это я так ношусь с кибуцами? Коммуны и в России существовали, после революции. Да, существовали, но их было очень мало (по отношению к населению России), и были они примитивными и никому вокруг не были нужны. Потому весьма быстро развалились. Кибуцы же способствовали становлению Израиля и в материальном отношении — в покорении пустыни, и в человеческом — из кибуцев вышло большое число первых государственных деятелей страны и военных. Сейчас в связи с бурной эмиграцией в Израиль евреев из СНГ удельный вес кибуцев уменьшился, но они продолжают давать свой немалый

вклад и в экономику страны, и в ее человеческий потенциал. И распадаться не собираются. В Израиле по-прежнему много желающих вступить в кибуцы, но отбор ведется очень жесткий. Особенно трудно попасть в кибуцы эмигрантам из СНГ. Не внушают, видимо, доверия! Слишком эгоистичны и непорядочны.

Обратить внимание стоит также и на то обстоятельство, что созданы кибуцы на земле, где когда-то людьми этого же народа было создано и христианство, провозглашавшее, что не может быть богатства праведного и что богатому так же трудно в рай попасть, как верблюду пролезть в игольное ушко. Опять выходит несоответствие с менталитетом евреев! Тут есть о чем подумать, не правда ли?

Отмечу и еще один феномен. Несмотря на многолетнее осадное положение, вспышки военных действий и террора, да еще при наличии значительного числа палестинцев (около 1 миллиона) внутри страны, Израиль сохраняет полновесную демократическую и правовую систему. Даже смертной казни нет в Израиле. (Исключение — казнь немецкого нациста Эйхмана, руководившего в Германии ликвидацией евреев.) Очень многие страны при малой доле таких опасностей, которые окружают Израиль, давно бы уже ввели какое-нибудь чрезвычайное положение, «временно» отменив многие демократические права.

Но вернусь к израильским впечатлениям. Мы были в Израиле в относительно спокойное время, ездили без опаски по палестинским территориям, но на севере Израиля накануне нашего приезда в какой-то близкий к границе городок на его окраине разорвалась ракета, выпущенная с ливанской территории палестинскими боевикам. Двое жителей были ранены.

Были мы и на самой границе. Вдоль нее с израильской стороны тянулись ряды колючей проволоки и была проложена грунтовая дорога, по которой курсировали джипы с пограничниками. На израильском блок-посту — мешки с песком, бойницы, пулеметы — молодой израильский солдат с тяжелой автоматической винтовкой на груди по-русски с украинским акцентом спросил нас, откуда мы, и попросил Маневичей передать привет его родителям, которые оказались почти их соседями.

Упомяну здесь об особом, трепетном, я бы сказал, отношении населения к солдатам. Стоит им на дороге поднять руку, и любая машина останавливается. В любом доме солдата с радостью напоят, накормят, дадут отдохнуть. Можно сказать, солдат в Израиле — больше, чем солдат! Наверное, главный человек в обществе, от мужества которого зависит жизнь всех людей в стране. Для войны территория Израиля маленькая. Стоит во время боев солдатам где-либо дрогнуть, и страшно подумать, что будет с населением. Но за три войны, пережитые Израилем, никогда и нигде нападавшим не удавалось прорваться, хотя арабские армии численно во много раз превосходили израильскую армию. (Население Израиля в те годы составляло около 3,5 миллионов, Египта, Сирии и Иордании — 54 миллиона.) Во время войны 1973 года, когда Египет и Сирия атаковали Израиль в «Судный день» (в этот день даже радио перестает работать и максимальное число солдат отпускают по домам), на границе с Сирией маленькая израильская группировка, закопав свои танки в землю по орудийные башни, выдержала многодневный натиск во всем превосходивших сирийских войск, пока основные силы израильтян сражались на юге с египтянами.

Огорчили нас в Израиле наши родные российские эмигранты, даже наши Маневичи. Как-то раз в позднее время мы остановились на заправочной станции, и пока Фима Маневич за-

правлял бак, я сбегал в дежурный магазинчик при станции что-то купить для перекуса. Трое смуглых израильтян, служащих магазина, очень приветливо меня обслужили. Но когда я вернулся к машине, Маневич всполошился: оказывается, эта автозаправка обслуживалась «черными», то есть евреями из Африки, и мне не следовало к ним одному ходить: могли обидеть! «Но они меня очень ласково обслужили!» — удивился я. «Это потому, наверное, — определил Маневич, — что они приняли тебя за своего!». Мне осталось только рассмеяться, потому что меня и в Эстонии, и в Латвии тоже очень хорошо обслуживали, за своего уж никак не принимая! Просто, думаю, люди чувствуют, когда к ним относятся с уважением. Способность советских граждан (не только евреев), выезжая на Запад, находить людей, на которых можно смотреть сверху вниз, — обескураживает. В Израиле это «черные» евреи, в Америке — негры, латиноамериканцы, в Германии — турки.

Впечатляет и тенденция советских эмигрантов везде (не только в Израиле) в своей политической ориентации становиться на самую радикальную правую сторону. В Израиле большинство советских евреев голосуют за правые партии, голосовали даже за профашистскую партию знаменитого Меера Кахане, выступавшего за выселение из Израиля и с Западного берега всех палестинцев и предлагавшего прочие крутые меры. Впоследствии он был осужден в Израиле и сидел в тюрьме. Партия его, кажется, распалась.

В США советские еврей-эмигранты, как правило, сразу же начинают презирать демократов и либералов и голосуют за республиканцев. Прославилась шутка одного израильского журналиста, который написал однажды, что в США эмигранты из России голосовали все за Рейгана по той причине, что ку-клукс-клан и «Общество Джона Берча» (фашисты) своих кандидатов на выборах не выдвинули! Увы, это так. Знакомый уже нам Юрий Штейн, порученец Солженицына, в журнале «Страна и мир» (1987, № 2) писал по этому поводу: «Когда здесь, в Штатах, в первых рядах либеральной, безответственной части общества, подрывающей по сути дела основы стабильности государства, я увидел именно еврейскую интеллигенцию (Штейн говорит здесь об американских евреях. — В. Б.), когда на недавних президентских выборах все белое и цветное население страны, включая малоимущих латиноамериканцев, голосовало в большинстве за Рейгана и лишь единственной национальной группой, отдавшей в подавляющем большинстве голоса Мандейлу, оказались еврейские избиратели, мне хотелось крикнуть: стыдно быть евреем!».

Штейн, верный главному принципу своего учителя «жить не по лжи... всеми правдами и неправдами!», разумеется, наврал насчет того, что американские евреи были единственной национальной группой, отдавшей голоса демократу Мандейлу. А главное, Штейн умолчал, что защитили честь еврейства российские евреи, в подавляющем большинстве проголосовав за Рейгана! Так зачем стыдиться «быть евреем»? Замечательна здесь и оценка либералов, т. е. членов и сторонников демократической партии США, как «безответственной части общества, подрывающей основы...» Сказывается острый ум учителя!

Сабры и диаспора

В Израиле я осознал огромную разницу между сабрами — евреями, родившимися в Израиле (сабра на иврите — колючка), и российскими евреями. Это два разных народа! Российские ев-

реи больше отличаются от сабров, чем от русских в России. Сабры — это спокойные, уверенные в себе люди, которые смотрят вам прямо в глаза. «Прямостоящие» люди! Российские евреи им заметно не интересны, сабры не понимают их заикленности на своем российском прошлом, на антисемитизме. У меня сложилось впечатление, что сабры даже не понимают по-настоящему, что это такое — антисемитизм. Как не понимают этого и люди всех других национальностей.

На фоне сабров видишь, как изломаны российские евреи, отягощены комплексами, болезненным самолюбием. Одни держат себя вызывающе дерзко, порой нагло, часто с упрямой за этим трусостью, у других — голова ушла в плечи, словно в ожидании удара, третьи — прячутся за броню иронии, хохмачества, цинизма. Есть, конечно, и нормальные люди, но в российской диаспоре они составляют, видимо, меньшинство. Ломают, уродуют людей жизнь в условиях обложного антисемитизма, жизнь на положении людей второго сорта.

Фантастическая победа Израиля в «шестидневной войне» 1967 года (победа 1948 года, не менее удивительная, прошла почти незамеченной из-за жесткости сталинской цензуры) всколыхнула евреев в СССР, несколько распрямила их. Оказывается, евреи умеют не только торговать или играть на скрипке, но и воевать, за себя постоять, да еще в борьбе со свирепыми врагами, многократно их превосходящими по численности. Однако полностью распрямить большинство советских евреев, разумеется, не смогла.

Между прочим, впервые разницу между сабрами и российскими евреями я осознал еще в России, и весьма комичным образом. В Москве проходило первенство Европы по баскетболу, и в Советский Союз впервые приехала команда Израиля. Мы с моим старым другом Мишей Подгородниковым пошли на матч Израиля с Италией. Мы еще никогда не видели живых израильтян, хотелось посмотреть. Ведь это было после «шестидневной войны»!

К началу матча мы опоздали и добрались до своих мест, когда игра уже шла. Я окинул взглядом площадку, баскетболистов, определил, кто есть кто, и — огорчился за израильтян, за их неспортивный вид: у кого брюшко проглядывало, кто сутулился, многие игроки были незагорелыми, бледнотелыми. Это в Израиле-то! Одно слово — евреи!

А итальянцы были все как на подбор: стройные, загорелые, красивые, держались свободно, уверенно, ну и играли намного лучше.

Но что это? Итальянцы кладут очередной мяч в корзину, а счет на табло растет в пользу Израиля!? Я в недоумении смотрю на Подгородникова, а он — с таким же недоумением на меня. И мы оба заходимся от смеха: мы перепутали, кто есть кто! Итальянцев приняли за евреев! Они были, в нашем понимании, ближе к стереотипу евреев, чем израильтяне.

К слову, я советую не верить российским евреям, чернящим жизнь в Израиле. Она, конечно, далека там от идеала и от западного, скажем, немецко-скандинавского уровня, но у российских людей есть свойство начинать нещадно поливать грязью любую западную страну, если у них там возникает какая-либо проблема. Сразу начинаются крики: американцы (израильтяне, немцы...) — они тупые, они бюрократы, они нас, русских (евреев) ненавидят и т. д. и т. п. Здесь сказывается комплекс раба, холопа. В своей «холопии» он был рад любому куску из барских рук, лишь бы не плеткой, а тут, попав в демократический мир, начинает кочевряжиться, бари на корчить: и то ему не так, и это.

Кто мне был неприятен в Израиле среди сабров, так это ортодоксальные иудеи, те, которые ходят во всем черном, в черных шляпах, с пейсами, и почему-то большинство из них очень толстые. Тяжело видеть, что они и своих детей так же воспитывают и наряжают. Они не служат в армии и не признают государство Израиль. По Священному Писанию израильское государство может воссоздать лишь Мессия в свое второе пришествие, которого они и ждут. Со свирепой строгостью выполняют они все религиозные обряды и мешают превращению Израиля в светское государство. Ортодоксы составляют звонкое меньшинство в стране, и в Кнессете их соответственно представляют маленькие партии, но без этих партий не склеиваются правящие коалиции, и клерикалы свое участие в оных обуславливают сохранением теократического законодательства.

Справедливости ради должен признаться, что мне не по душе ортодоксы любых религий. Как и само разделение верующих по конфессиям — еще один источник кровавых и опасных для человечества конфликтов. Но об этом мы уже говорили.

Создатели Израиля

Сейчас, вспоминая Израиль, я задумался вновь о том, чем все-таки можно объяснить чудо воссоздания еврейского государства после почти двух тысяч лет жизни евреев в рассеянии, в унижении и приспособлении к оному?

Конечно, в Палестину ехали самые мужественные и мудрые люди. Мудрые потому, что поняли бессмысленность попыток прижиться среди других народов, зараженных юдофобией, поняли позорность и безнадежность попыток доказывать им, что евреи — нормальные и полезные для них люди. Отец, вернувшись из Германии в 1930 году, рассказывал, какими патриотами страны выказывали себя тамошние евреи: если в ресторане оркестр начинал играть «Германия превыше всего», евреи вскакивали и самозабвенно пели этот шовинистский гимн, предшественник марша «Хорст Вессель». Но это не спасло их от газовых камер!

Евреи, ехавшие в Палестину, знали, что их ждет тяжелая борьба за жизнь — и с суровой природой, и с окружающими народами, понимали, что в глазах этих народов их не защитит факт покупки ими земель для своих поселений (с помощью плана лорда Бельфура), догадывались, что если им удастся превратить эти пустынные земли в плодоносные сады, палестинцы захотят вернуть себе те земли обратно! И все-таки — ехали. Откуда взялось столько мужества у «несчастливых» евреев? И столько мужественных людей? Думая об этом, я вспоминал Гальперина из школы в Чистополе, спокойно одолевшего «короля» местных учеников.

Как, возможно, заметил читатель, я не применяю слова «героизм». В реальной жизни героизм весьма редкое и подозрительное явление, близкое к самоубийству, к проявлению инстинкта смерти. Герои — это и камикадзе, и шахиды. Мужественный человек, подобравшись к амбразуре, кидает туда гранату, а герой — закрывает амбразуру грудью.

И я вижу два фактора появления большого числа мужественных людей среди евреев. Во-первых, это все та же природа человека с ее потребностями в самоутверждении и единении. Как могли евреи удовлетворять эти потребности в рассеянии, под гнетом юдофобии?

Но почему только в XX веке проснулись евреи? Потому, видимо — и это второй фактор, — что в XX веке началось развитие сознания широких слоев населения в западных странах, где

проживало большинство евреев, что было, в свою очередь, связано с бурным ростом образования, науки, промышленности. Развитие же сознания подводит людей к пониманию, осознанию своих фундаментальных потребностей. Не случайно в это же время проснулось и стремление людей избавиться от последней стадии рабства — наемного труда.

Нацизм с его юдофобией и феодальное антизападное и антисемитское движение в странах третьего мира объективно преследуют цель остановить процесс осознания людьми своих фундаментальных потребностей. Не с капитализмом и не с так называемой модернизацией борются нынешние феодалы Азии и мусульманские священнослужители (они выгодно для себя с ними ладят!), а свое благополучие и власть охраняют от своих собственных народов, отвлекая их на борьбу с «неверными» империалистами и «сионистами».

Размышляя о создании Израиля, я подумал ненароком, может, и в России смогут все-таки появиться в достаточном числе мудрые и мужественные люди, которые способны будут преодолеть в себе раба и повести народ к свободе, демократии и благополучию?

Корни антисемитизма

Но вернусь к юдофобии. Недоброжелательность, а то и ненависть к народу, из которого вышло христианство, столь давно и прочно укоренившиеся в христианском мире, — феномен, до конца, на мой взгляд, так и не осмысленный. И феномен этот, подозреваю, является очень плохим симптомом для человечества, быть может, апокалипсическим. Да, диаспоры некоторых народов в разных регионах мира испытывают враждебность к себе со стороны коренного населения, например, китайцы в Индонезии. Но китайцы не создавали религию индонезийцев! И все эти фобии носят временный характер. Евреи же создали священные книги христианства, Старый и Новый Завет, и Моисей и Христос были евреями, как и Святая Мария и все апостолы, и самое церковь христианскую создал еврей, апостол Петр. «Евреи распяли Христа»? Но ведь на это была воля Божья — евреи, точнее, иудейские первосвященники явились орудием Божьим.

И у неизбежного в течение тысячелетий антисемитизма должны быть глубокие корни в психике людей, должен быть какой-то постоянный источник психической энергии, питающий антисемитизм. Чтобы отыскать его, зададимся вопросом, какую роль играет религия в жизни людей? Она, очевидно, призвана дать человеку смысл жизни и единение с людьми, единоверующими, и тем ослабить страх перед временем и смертью.

Какому в этом случае стремлению, существующему в глубинах психики людей, противостоит религия? Очевидно, стремлению к смерти, к возвращению в неорганическое состояние, к избавлению от страха перед смертью через смерть, самоубийство. А если еще шире взять, религия противостоит энтропии. Религия направлена к установлению порядка, прежде всего — нравственного. А евреи создали не только христианство, но и иудаизм — первую монотеистическую религию, т. е. создали религию как таковую, которая немислима без единогобожия. Когда богов много, то Бога — нет! И созданием религии евреи поставили преграду энтропии, стремлению к хаосу, к смерти. Мешает религия и проявлению своеволия, удовлетворению эгоистических поползновений, т.е. проявлению тенденции к возрастанию все той же энтропии.

Так не это ли энтропийное стремление, и подпитывает энергией неприязнь христиан и мусульман к евреям? Характерно, что постоянный, исторический антисемитизм существует только среди христианских и мусульманских народов, религия которых тоже берет начало от иудаизма, от евреев. Что касается христианского мира, то можно сказать, что евреев не любят не за то, что они «Христа распяли», а за то, что они его создали, породили! И антисемитизму подвержены люди, у которых, очевидно, сильнее стремление к смерти, выше поднимается к поверхности сознания в результате действия определенных условий воспитания и жизни. И самыми крутыми антисемитами не случайно бывают самые злобные и агрессивные личности, у которых легко просматривается стремление к разрушению всего и вся. (Отвод стремления к смерти от собственной персоны вовне.) И за ненавистью к евреям обязательно скрывается ненависть к людям всех национальностей — мизантропия, которую антисемиты пытаются маскировать «страстной» любовью к своему народу, который превозносится надо всеми другими народами, что опять же дает возможность другим народам не любить и не уважать. Люди жизнерадостные, добрые не бывают антисемитами, мизантропами, шовинистами. А за мизантропией стоит и нелюбовь к жизни. Нельзя же любить жизнь, ненавидя людей.

Яркий пример апокалиптической, смертоносной природы юдофобии дает нам немецкий нацизм, созревший и озверевший на антисемитизме. 55 миллионов погибших, тысячи разрушенных городов, прежде всего немецких! — таков итог нацистской юдофобии. И человечеству еще повезло, что гитлеровская Германия не успела создать ядерное оружие!

Антисемиты — ангелы смерти, разрушения, «агенты» энтропии, сеятели хаоса.

Вдумаемся в факт распространения сейчас террора «шахидов», самоубийц. Одной только пропаганды религиозного фанатизма и ненависти к евреям или американцам (защитникам евреев!) для этого явно недостаточно. Тут необходима опора на запрятанную в глубинах подсознания притягательность смерти. Даже молодые девушки становятся «шахидами»!

Отметим, что среди христианских конфессий антисемитизм особенно широко распространен в среде православных священников и иерархов. Православная церковь единственная до сих пор не принесла извинения еврейскому народу за обвинение его в распятии Христа. Более того, в учебнике «Основы православной культуры», внедряемом сейчас в школах РФ по инициативе светских и церковных властей, снова сообщается о распятии Христа евреями и дается объяснение: «народ еврейский», требуя смертной казни для Христа, «думал о земном: о своей независимости, власти над другими народами и о земном благополучии, поэтому идея вечной жизни через спасение от грехов, страстей и зла была непонятна ему». Вслед за антисемитизмом в учебнике следуют и ксенофобские мотивы, т. е. мизантропия! Например, сообщается, что «общение с другими народами и национальностями для православного русского народа чаще всего совсем невыгодно и даже опасно, так как «гости» или новые жители не всегда благородно ведут себя на территории традиционно-православного государства».

Интересно, что русские фашисты-язычники, обвиняют евреев в том, что они создали христианство для того, чтобы ослабить другие народы и облегчить себе завоевание мирового господства. С помощью христианства погубили вот Римскую империю! То есть эти фашисты откровенно объясняют свою юдофобию тем, что евреи Христа создали, выдумали. Отнюдь не тем, что евреи «Христа распяли»!

Между прочим, сродни антисемитизму и неприязнь многих верующих к своим священникам. Корень – тот же: энтропийное стремление к хаосу, на пути которого стоят священники с религией.

Палестина и Израиль – апокалиптический узел

Проявление апокалипсической юдофобии я вижу сейчас и в войне палестинцев против израильтян, и в поддержке палестинцев значительной частью западной общественности.

Я, естественно, признаю за палестинцами право на самоопределение, на государственность (как и за чеченцами, косоварами, карабахцами — за всеми сепаратистами, которые имеют за собой большинство своего народа). Но палестинские лидеры и их союзники в арабском мире и зомбируемые ими палестинские массы видят своей главной целью не столько воссоздание палестинского государства, сколько ликвидацию Израиля, стремятся «сбросить евреев в море», т. е. учинить новый Холокост. Все эти «хамасы» и «фатхи» до сих пор открыто признают это своей целью, а исключение ее из устава ООП под давлением ООН и США трудно считать искренним шагом. Поэтому они и сорвали процесс мирного создания палестинского государства, начав свою «интифаду» из-за сущей ерунды (Шарон в Иерусалиме зашел или прошел через мусульманскую территорию!). С момента предоставления палестинцам автономии и создания ими собственного телевидения оно не переставало разжигать ненависть к израильтянам и Америке, им покровительствующей. То, чем в результате стал народ Палестины, ярче яркого показала бурная радость палестинских толп 11 сентября 2001 года.

Поэтому я считаю действия Израиля оправданными. Я, в частности, подписал «Обращение к мировой общественности» Елены Георгиевны Боннэр (от 12 апреля 2002 года), в котором она пишет, что «эта война Израиля никак не менее справедлива, чем та, которую ведет антитеррористическая коалиция во главе с США».

Стоило бы еще только добавить, что если США ведут борьбу за безопасность от террора, то Израиль — за свое существование. Но без помощи западных стран, подобной той, какую они оказывают американцам в Афганистане, Израилю вряд ли удастся остановить террор. Западные же страны вместо помощи развивают сильнейшее давление на Израиль, и он из-за этого ведет борьбу недостаточно уверенно и последовательно, особенно по отношению к Арафату и ООП, что очень опасно для Израиля.

И за давлением Запада на Израиль (наряду со страхом перед нефтяными «атаками» арабов) стоит, скорее всего, все тот же антисемитизм. Похоже, что многие люди из уважаемых демократических кругов Запада (разумеется, не большинство!) рады, наконец, дать волю юдофобии, которую полвека назад им пришлось загнать в подполье своего сознания под впечатлением ужасных злодеяний нацизма. Теперь эти впечатления уже поблекли, и представился благовидный повод — защита «бедных палестинцев». Характерно, что истребление чеченцев российскими войсками этих людей так не возмущает! Если бы на Россию вполтину так давили, как на Израиль!

А ведь если палестинский террор будет продолжаться и усиливаться, то может возникнуть ситуация, когда измученные израильтяне начнут массово покидать страну. Немало квалифицированных людей уже давно покидают Израиль. Сейчас начался и отток капитала. И может

настать момент, когда ослабленный сверх меры Израиль не сможет удержать палестинского напора, и мир получит новый Холокост, который может надломить дух цивилизованного общества, порушить у людей уважение к самим себе и веру в силу добра. Второй Холокост мир может не пережить! Он может подтолкнуть человечество к гибели. Не забудем, что неонацисты на Востоке имеют возможность завладеть ядерным и биологическим оружием!

В целом же израильский узел (как и узел вокруг Аль Кайды) завязался, на мой взгляд, на почве нищеты и темноты большинства населения третьего мира, к которому относится и Палестина, и окружающие Израиль арабские страны. Нищеты и темноты, которыми пользуются местные утопающие в богатстве феодалы и священники для натравливания своих холопов на Израиль и богатые западные страны.